

Глава 4. Жар

Цзи Тун глубоко вздохнул.

— Ладно, то, что вы скрывали, я прощаю. Но в общезитии чтобы больше ни одного упоминания о нём.

Прошла секунда.

— И ему обо мне не говорить.

Ещё секунда.

— И не связываться с ним.

Трое друзей тут же выпрямились.

— Есть, сэр!

Цзи Тун запретил упоминать его имя, и Ли Юань с друзьями действительно не произносили даже фамилию «Гу», но ситуация становилась всё более напряжённой.

— Тун-Тун уже две ночи не ночует в общезитии. Завтра десятое, а они до сих пор ни словом не обменялись.

Ли Юань и остальные поначалу думали, что, находясь в одном университете, они неизбежно столкнутся и рано или поздно заговорят.

Но реальность оказалась иной. Цзи Туна последние два дня было просто не найти: он не ночевал в общезитии, не ел с ними, а после пар тут же исчезал. Если брат Линь ждал его у главного входа, он выходил через задний. Не принимал заявку в друзья, не читал сообщения, не отвечал на звонки. Если бы он не появлялся на каждой лекции, друзья решили бы, что Цзи Тун испарился.

На самом деле Цзи Тун ни о чём таком не думал.

Он просто не хотел разговаривать. Хотел доказать: вот, смотри, даже в таком крошечном месте, как Аньцзинский университет, можно при желании не встречаться. Что уж говорить о целом городе, о целом мире.

Не один только Гу Линь умеет пропадать так, что его не найти.

Небо в Аньцзине было ясным два дня, но десятого сентября снова пошёл дождь.

А ещё мрачнее неба были лица друзей.

И не только их троих. Весь выпуск их школы, поступивший в этом году в университет, знал об отношениях Цзи Туна и Гу Линя. Будь они просто знакомыми — полбеда, но так уж вышло, что все они были из одной компании, дружили и проводили время вместе, и парни, и девушки.

В шесть вечера вся компания с понурым видом сидела в сычуаньском ресторанчике у ворот кампуса.

— Сегодня день рождения брата Линя, а Тун-Тун так с ним и не заговорил?

— Нет. Всё как и раньше — после пар сразу ушёл, — ответил Цуй Миньин.

— Помню, в прошлом году в это же время мы все вместе ели торт в учительской столовой.

Кто-то произнёс эту фразу, и в комнате повисла тишина.

В их школе всегда с особым трепетом относились к традициям. Даже День посадки деревьев отмечали с размахом, не говоря уже о Дне учителя. Цветы, торты, праздничные транспаранты и даже салюты были обязательной частью программы. По размаху этот день не уступал школьной спартакиаде.

А день рождения Гу Линя выпадал как раз на эту дату.

Пользуясь случаем, все отрывались по полной. Гу Линь был всеобщим любимцем, «золотым мальчиком», так что учителя и руководство смотрели на их шумные празднования сквозь пальцы.

Даже в самый напряжённый выпускной год, когда из школы выходить было нельзя, они умудрились устроить грандиозный праздник.

Теперь-то ворота университета были открыты, но...

Аппетита не было. Кое-как покончив с ужином, все безрадостно разошлись.

Подойдя к двери общежития, Ли Юань, открывая её, пробормотал:

— Надо бы всё-таки поздравить брата Линя с днём рожде...

— Стой, — Цуй Минъин остановил его руку.

— Что такое?

Чжоу Тянь указал пальцем вверх.

— Свет горит.

— Я же выключал, когда уходил, — удивился Ли Юань и, толкнув дверь, замер на пороге, увидев, что творится в комнате.

На кровати кто-то лежал.

— ...Тун-Тун? — недоверчиво позвал Ли Юань.

Что Тун-Тун делает в общежитии в такое время?

Цуй Минъин шагнул вперёд и тут же споткнулся обо что-то. Опустив взгляд, он увидел рюкзак-переноску с мокрым ремнём. На спинке стула Цзи Туна висела тонкая белая куртка, тоже мокрая.

Ходил искать Первого?

— Тун-Тун? — позвал и Цуй Минъин.

Прошло несколько секунд, прежде чем с кровати донёлся ответ.

— М-м.

Цуй Минъин и Чжоу Тянь переглянулись, и их взгляды снова упали на мокрую куртку.

Голос звучал не так, как обычно.

Цуй Минъин тут же подошёл к кровати и, не говоря ни слова, перегнулся через бортик, чтобы потрогать лоб Цзи Туна.

Так и есть.

— У него жар.

Чжоу Тянь достал из ящичка ушной термометр.

Цуй Минъин взял его и поднёс к уху Цзи Туна.

— У него ещё несколько дней назад были симптомы простуды, а он всё бегал где-то, да ещё и под дождь попал, — заволновался Ли Юань. — Сколько?

Цуй Минъин молча повернул к нему экран термометра.

— Чёрт.

Увидев на дисплее 39,3°C, Ли Юань схватился за голову.

Такой сильный жар, а они даже не заметили.

— Я в медпункт за лекарствами, — сказал Чжоу Тянь, хватая куртку.

— Какой медпункт при тридцати девяти? В больницу надо! — остановил его Ли Юань.

Цзи Туна бил озноб.

Он слышал голоса друзей, но каждое слово доносилось будто сквозь вату, неразборчиво.

Как будто в уши попала вода — тупая, давящая боль, от которой становилось только хуже.

Цуй Минъин и Чжоу Тянь кое-как помогли ему сесть.

— Юань, поищи его медицинскую карту.

— Где она?

— Кажется, во втором ящичке.

— Может, сначала позвонить родителям Тун-Туна?

— Подожди. Я на днях видел репортаж с его мамой, она вроде в Риме. Сейчас не сможет помочь, да и разница во времени.

— Не нашёл карту. Ладно, оформим временную.

«...карту... позвонить... Гу... Линь...»

Сознание Цзи Туна уже начало уплывать. Разговоры друзей распались в его ушах на бессвязные обрывки слов.

Гу...

Линь...

Позвонить...

— Позвонить? — шмыгнул носом Цзи Тун.

Цуй Минъин, надевавший на него куртку, услышал его и подумал, что он беспокоится о родителях. Зная характер Цзи Туна, он тут же успокоил:

— Не будем, не будем, не волнуйся.

Но Цзи Тун, словно услышав нечто невероятное, резко открыл глаза.

— Почему не будем?

Почему страдать должен только он?

С какой стати страдать должен только он?

— Хорошо, хорошо, позвоню, — испугавшись его внезапно распахнутых глаз, засуетился Ли Юань. — Ты только встань ровно, я сейчас найду номер твоей ма...

— Прямо сейчас звони, — перебил Цзи Тун.

Ли Юань:

— Звоню, звоню, прямо сей...

— Он что, один умеет в молчанку играть? — Цзи Тун сам не понял, откуда взялись силы. Он с размаху ударил кулаком по бортику кровати. — Ещё и смеет говорить, что у меня мозгов нет?!

— ...?

Трое друзей остолбенели.

Кому звонить???

Цуй Минъин посмотрел на явно бредящего Цзи Туна и с большой неуверенностью спросил:

— Позвонить... брату Линю?

Цзи Тун вцепился в руку Цуй Минъина и со злостью прошипел:

— Да, ему. Звони прямо сейчас. Я ему всё выскажу!

Троица: «.....»

Цуй Минъин и представить не мог, что их первый за долгое время разговор состоится при таких обстоятельствах.

Произнеся эту фразу, Цзи Тун, словно лишившись всех сил, обмяк и повалился на Цуй Минъина.

Тот, поддерживая его, сжал зубы и набрал номер, который молчал полгода.

— Брат Линь.

-

Цзи Тун не помнил, как вышел из общежития. Все звуки и образы были расплывчатыми, то приближаясь, то отдаляясь.

Веки горели, голова была свинцовой. Кровь, пульсирующая в каждом капилляре, казалась раскалённой. Но когда Чжоу Тянь присел, чтобы взвалить его на спину, Цзи Тун покачал головой.

— Ты только плечо вылечил, опять потянешь.

Слова давались Цзи Туну с трудом, и друзьям было нелегко их разбирать, но они поняли.

— Да зажило уже давно, всё в порядке, — с горькой усмешкой ответил Чжоу Тянь.

Даже в таком состоянии помнит о его травме. Чжоу Тянь не знал, что и сказать.

— Тогда я понесу, — предложил Цуй Минъин.

Цзи Тун снова покачал головой. От этого движения к горлу подкатила тошнота. Он отмахнулся.

— Ничего, я сам дойду.

Цуй Минъин: «...»

На ногах еле стоит, а говорит, что дойдёт.

Чжоу Тянь хотел было возразить, но Ли Юань потянул его за рукав и отрицательно покачал головой.

— Забыл, как он ногу подвернул на втором курсе?

Ли Юань не договорил, но все и так всё поняли.

На втором курсе старшей школы Цзи Тун сильно подвернул ногу на лестнице и целую неделю не мог ходить.

С его популярностью в школе, да будь он хоть парализован ниже шеи, желающих помочь было бы хоть отбавляй.

Но всю ту неделю Цзи Тун буквально висел на Гу Лине. Если на спине было неудобно, тот нёс его на руках, причём лицом к лицу, как коалу.

Часто можно было видеть картину: Гу Линь несёт его, а Цзи Тун, обхватив его за шею и положив подбородок ему на плечо, умудряется ещё и читать конспект по математике или листать словарь английского.

Друзья не выдерживали:

— Почему ты ногу подвернул, а мучается брат Линь?

Цзи Тун, висая на Гу Лине, без тени смущения отвечал:

— Когда я болею, я очень капризный.

Они и вправду так думали.

Пока однажды днём Гу Линь не уехал на олимпиаду. Друзья, само собой, решили его подменить и предложили донести Цзи Туна до спортзала. Но тот сказал то же, что и сегодня:

«Ничего, я сам дойду».

А потом, оперевшись на руку Цуй Миньина, проскакал на одной ноге всю лестницу. Никаких капризов, никакой суеты.

Все в классе решили, что нога почти зажила, и уже собирались обрадовать вернувшегося Гу Линя, но тот, задрав штанину Цзи Туна, увидел, что лодыжка опухла ещё сильнее.

Цзи Тун: «-»

Все: «...»

Гу Линь два дня ходил мрачнее тучи, а Цзи Тун провисел на нём ещё два лишних дня.

— Подождём брата Линя, — сказал Ли Юань, глядя на Чжоу Тяня.

Тому оставалось только кивнуть и подставить руку, чтобы Цзи Тун мог на неё опереться.

Цзи Тун чувствовал себя глиняным горшком с отваром, который медленно кипит на огне. Внутри него булькали горькие, горячие пузыри, но при этом его бил озноб.

— Почему мы стоим? — неожиданно спросил он.

Друзья: «...»

Господи, не пугай нас.

Цуй Миньин, боясь, что Цзи Тун забыл про звонок Гу Линю, затараторил:

— Сейчас пойдём, сейчас. Это... брат Линь скоро будет.

— Линь... а, да, — Цзи Тун отрешённо уставился в землю. — Мне нужно сначала высказаться, а потом идти.

— Точно, точно, выскажешься и пойдём, — поддакнул Ли Юань.

Цзи Тун выпрямился, стараясь выглядеть внушительнее.

Время словно ускорилося, каждая секунда растягивалась в вечность.

Контурь предметов перед глазами расплывались всё сильнее.

В тот самый миг, когда сознание готово было померкнуть, Цзи Тун наконец услышал тот самый, врезавшийся в память голос.

— Где болит?

Голос был сдавленным, а дыхание — частым и прерывистым.

Он бежал.

Где болит...

У него болело всё.

Уши, голова, горло, глаза, сердце — болело всё тело.

Но он промолчал.

Цзи Тун лишь медленно поднял голову. Лицо и глаза пылали от жара.

Он неотрывно смотрел на человека, который так внезапно появился в его жизни, так внезапно исчез и, когда он уже думал, что никогда его не увидит, снова стоял под тем самым платаном. Прошла вечность.

— Ты же решил меня игнорировать.

Голос Цзи Туна был натянут до предела.

— Гу Линь, ты заговорил со мной первым.

— Я победил.

Каждое слово давалось ему с огромным трудом. Он замолкал надолго, словно собираясь с силами для следующей фразы.

Мир затих. Слышен был только ветер и стук их сердец.

Гу Линь опустил глаза. В свете фонаря его лицо казалось тёмным и непроницаемым.

Тот, кто кричал «я победил», сейчас мёртвой хваткой вцепился в край его одежды.

Гу Линь посмотрел на скомканную ткань, на себя, стоящего на краю пропасти.

И шагнул вперёд, осторожно заключая его в объятия.

В тот миг, когда горячее тело Цзи Туна прижалось к нему, Гу Линь сдался.

— Да.

— Ты победил.

Падение.

<http://bllate.org/book/14549/1288939>